

Тяжелая работа топором и огнем, какую заводилось лесное хлебопашество на *пали*, расчищенной из-под срубленного и спаленного леса, утомляла, досаждала. Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса.

В. Ключевский «Курс русской истории»

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

В последнее десятилетие появился целый ряд работ по истории лесного хозяйства в России. Это двухтомник «Двухсотлетие учреждения Лесного департамента. 1798–1998» (М., 1998), «История лесоустройства российского» (М., 1998), книга В. Я. Колданова «Очерки истории советского лесного хозяйства» (М., 1992), работы Р. В. Боброва, посвященные отдельным фактам истории российского лесоводства и замечательным людям, выбравшим сферой своей деятельности лесное хозяйство [1, 2, 3] и др. В этих публикациях освещаются вопросы становления отрасли и управления лесным хозяйством. Однако все они имеют одностороннюю направленность: подчеркиваются достижения и остаются без внимания просчеты и ошибки. Кроме того, не получила должного освещения проблема нормативного регулирования воздействия человека на лес, т. е. не рассматривались такие документы, как инструкции по отводу лесосек, правила рубок леса и др., и их применение на протяжении XX века. В данной статье будет сделана попытка ликвидировать этот пробел и представить по возможности объективную картину развития отрасли.

Передовые ученые-лесоводы начала XX века: Г. Ф. Морозов, А. Ф. Рудзкий, М. М. Орлов, Г. Н. Высоцкий, К. Ф. Тюрмер — рассматривали лесоводство как одну из отраслей растениеводства. Они считали, что лесное хозяйство должно заниматься выращиванием леса, его улучшением, стремиться к увеличению дохода с лесных площадей. Эта точка зрения широко поддерживалась в самых высоких эшелонах власти. Царской семье принадлежало около 3% всех лесов европейской части России, и она была заинтересована в хорошем и доходном ведении лесного хозяйства. М. М. Орлов в книге «Об основах русского государственного лесного хозяйства» [Пг., 1918] указывал на опыт хорошего и даже образцового лесного хозяйства в лесах графа Орлова в Московской губернии, графа Храповицкого во Владимирской, Шереметьева в Ярославской, князя Васильчикова в Новгородской губернии и др.

Однако существовала и другая точка зрения на лес и лесное хозяйство. Выразителем ее было большинство крестьян лесных районов, которым приходилось постоянно бороться с наступлением леса на сельхозугодья. Крестьяне были убеждены, что лес можно рубить где угодно и сколько угодно — он возобновится сам. Каким будет лес — это другой вопрос, но он будет, без всяких лесоводственных приемов. Качество лесов при этом мало кого волновало: дрова являлись основным энергоносителем, и большая часть срубленного леса сгорала в разных топках. Такой подход особенно ярко обозначился после Февральской революции 1917 года, когда лес начали рубить все, кто мог и хотел [46]. В статье «Лесная революция», опубликованной в 1918 году, читаем: «Лозунг “сво-

бода” в мартовскую эпоху был воспринят населением как дозволение недозволенного, как возможность осуществления того, что раньше было недостижимо. Лес — ничей, Божий, лес — не рощенный, не сажены, лес — наш. Нажим на леса получил дикие формы. Рубили лес все, кто мог и хотел. Расправлялись с лесом, как с вечным своим врагом. Можно было подумать, что революция направляется именно на лес» [14]. После Октябрьской революции, когда в правительственные органы пришли рабочие и крестьяне, эта точка зрения на лес и лесное хозяйство стала доминировать во властных структурах.

Здесь уместна аналогия с развитием сельского хозяйства, которое на заре истории человечества зародилось как собирательство, и лишь затем люди научились специально выращивать необходимые растения. Первая точка зрения — это пример выращивания, вторая — собирательства того, что дает природа. В странах Западной Европы, где значительно выше плотность населения и много меньше лесов, уже давно были вынуждены сделать выбор в пользу интенсивного хозяйства, лесовыращивания. У нас же, благодаря колоссальным запасам лесных ресурсов, очень соблазнительной оказалась точка зрения, что не обязательно вкладывать деньги, материальные и трудовые ресурсы в лесное хозяйство, можно получать достаточное количество древесины из тех лесов, которыми богата российская природа.

После Октябрьской революции в России какое-то время существовали обе эти точки зрения. Рассмотрим, как это выглядело на практике. Проводились торги и аукционы по продаже леса на корню, которые выявляли его цену и могли стать экономической основой ведения лесного хозяйства. С 1922 года постепенно стали восстанавливаться и функции лесоустройства, ограничивавшиеся из-за топливного голода 1919–1921 годов лишь отводом лесосек. Причем до 1925 года лесоустроительные работы регламентировались положениями инструкции 1914 года, а в 1926 году была издана «Инструкция для устройства, ревизий устройства и лесоэкономического обследования общегосударственных лесов РСФСР», составленная под руководством М. М. Орлова [10]. В ее основе лежали принципы постоянства и равномерности пользования и обеспечения наивысшей доходности от устроенных лесов; указывалось на необходимость сохранения оборота рубки и равномерного распределения насаждений по классам возраста.

В постановлениях СНК (от 4 июля 1924 года) и ВЦИК (от 16 октября 1924 года) «Об изменении порядка финансирования лесного хозяйства и мерах поднятия лесного дохода» указывалось, что древесина отпускается учреждениям и предприятиям на торгах. А 7 января 1926 года ЭКОСО (Экономическое совещание РСФСР) приняло постановление [27], в котором в числе целей лесного хозяйства назывались извлечение наивысших доходов, постоянство и планомерность использования древесных запасов. По существу в те годы речь шла о том, чтобы «отбросить в историю плановое снабжение госучреждений и предприятий, поставить их в условия соревнующихся интересов» [18]. В феврале 1927 года были внесены изменения в содержание статьи 23 Лесного кодекса РСФСР и опубликованы комментарии к ней, определившие, что из лесов общегосударственного значения древесина отпускается учреждениям и предприятиям на соревновательных торгах и что исключения из этого правила могут иметь место лишь по особому разрешению ЭКОСО республики [15].

В то же время в постановлении ВЦИК от 25 июля 1923 года в формулировке целей лесного хозяйства приоритет был отдан «обеспечению древесиной как трудового населения, так и государственной потребности и лесной промышленности». Достичь этого предполагалось, отказавшись от лесоводственных требований к рубкам главного пользования, поскольку они затрудняли получение необходимого количества древесины. В «Инструкции для отпуска леса из общегосударственных лесов РСФСР» 1926 года [7], в параграфе 34, значилось: «Величина отпускной единицы (делянки) устанавливается в зависимости от местных экономических условий, имея при этом в виду приспособление отпуска леса к требованиям и запросам лесополучателей. При возможности больших продаж однородного леса в одни руки крупным лесополучателям делянки отводить большими площадями — целыми лесосеками и даже урочищами». Но

© WWF России / Николай ДЕЛЬВИН

В послереволюционной России возобладала точка зрения на лес как на ресурс, который имеется в большом количестве и восстанавливать который необязательно

ничего не говорилось о сроках примыкания, направлениях рубки, мерах содействия естественному возобновлению, очистке лесосек. В 1929 году постановлением Совнаркома было разрешено рубить лес концентрированными рубками.

В партийных кругах идея реализации лесным хозяйством своего основного товара (отпускаемой спелой древесины) на открытом рынке (торгах) была воспринята резко отрицательно. В ряде авторитетных публикаций указывалось, что лесные торги противоречат социалистическому плановому началу, развязывают стихию рынка, вызывают ажиотаж и несут в себе опасность дезорганизации народного хозяйства [46]. Еще одним постановлением ЭКОСО РСФСР (от 19 мая 1927 года) было определено: лесосеки не продавать, а распределять. Все это сви-

детельствует о том, что партийное руководство окончательно приняло точку зрения на лес как на ресурс, который имеется в большом количестве и при использовании которого необязательно вкладывать финансовые, материальные и трудовые ресурсы в его восстановление. Тем более что он рассматривался и как средство достижения определенных политических целей.

До революции Россия при мировом экспорте 30–35 млн м³ древесины посылала за рубеж более 10–12 млн м³ на сумму 165 млн рублей. Основным импортером была Англия, которая закупала лес на 87 млн рублей, затем Германия — на 42, Голландия — на 26 и Франция — на 10 млн рублей [4]. В результате развала лесной отрасли, последовавшего в первые послереволюционные годы, сократились экспортные поставки за границу. Потеря российской древесины весьма негативно сказалась на странах-импортерах. В Германии, например, в деревопереработке было занято 600 тыс. рабочих [1]. Дефицит в поставках древесины вызывал рост безработицы, восстановить ее экспорт из России можно было, лишь признав законность новой российской власти. Советское правительство в свою очередь понимало важность гарантии экспортных поставок древесины в решении вопроса о признании Советского государства. Кроме того, это был способ получить крайне необходимую ему валюту. К этому следует добавить, что дрова являлись основным энергоносителем и молодая советская власть не могла оставить мерзнуть своего основного союзника — рабочих. Дрова были нужны для отопления городов, поселков, работы фабрик, заводов, обеспечения работы паровозов. Попытки сдать леса в концессии успеха не имели. Пришлось поднимать объем лесозаготовок собственными силами.

Экспорт леса начали восстанавливать с 1920 года. В 1921 году он составлял 750 тыс. м³, в 1922 году увеличился до 1753 тыс. м³, а в 1924 г. — до 3584 тыс. м³. По стоимости проданных лесоматериалов российский лесной экспорт в 1921 году оценивался в 7 % довоенного, а к 1929 году он поднялся уже до 143 млн рублей. В 1925 году отпуск леса по стране едва превышал 100 млн м³, а в 1927 он уже достиг 136 млн м³. Уже в 1932 году лесозаготовки удалось удвоить — довести их до 263 млн м³, а к 1937 году планировалось вырубать ежегодно уже по 550 млн. м³ [1]. Легче всего достичь такого объема заготовок можно было, презрев все лесоводственные ограничения по рубке леса, развернув лесозаготовки в самых обжитых районах России и отказавшись от принципа постоянства пользования, препятствующего увеличению заготовок. И вот под сугубо практические и политические цели стала подводиться теоретическая научная база. Этим занялись молодые экономисты Лесотехнической академии под руководством кафедры диалектического материализма. В начале 1930-х годов развернулась «борьба на теоретическом фронте». В центре полемики оказались три вопроса: о том, какой должна быть лесохозяйственная единица управления — лесничество или лесхоз, о принципе постоянства пользования лесом и о стоимости леса.

По первому вопросу профессор М. М. Орлов считал, что объектом лесного хозяйства должно быть самостоятельное лесничество, в котором ведение лесного хозяйства поручается одному лицу с лесохозяйственным образованием в пределах составленного лесоустройством плана. Его противники высказывались за социалистическую реконструкцию лесного хозяйства и лесной промышленности. Они опирались на постановление ВЦИК от ноября 1929 года «О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства», где предлагалось пересмотреть действующую систему лесоустройства в сторону ее упрощения и максимального приспособления к интересам и задачам эксплуатации лесов как по промышленной линии, так и для полного обеспечения экспорта, утверждалось полное организационное объединение лесного хозяйства и лесной промышленности. Лесохозяйственные единицы (леспромхозы и лесхозы) должны строиться по принципу социалистического производственного предприятия под руководством членов партии [13].

Принцип постоянства пользования отстаивали М. М. Орлов, А. И. Шульц, С. Диканский и др. Аргументы их противников хорошо видны, например, из статьи Е. Пасынкова и И. Прохорчука «Буржуазные и оппортунистические теории планирования лесного хозяйства» [26]. Они писали: «В условиях бурного социалистического роста индустрии и огромной стройки новой социалистической деревни эта теория равномерного отпуска древесины означает противодействие процессу социалистической перестройки сельского хозяйства, противодействие всему нашему социалистическому строительству... Таким образом, теория постоянства и равномерного пользования своим существом целиком направлена против всего нашего социалистического строительства, против социалистической реконструкции народного хозяйства вообще и в частности лесного. Она противопоставляет себя плану, она исключает план как закон построения социализма в нашей стране. Она означает “научное” противодействие осуществлению основного пути нашего развития — социалистической индустриализации и реконструк-

© WWF России

Дрова являлись основным энергоносителем — были нужны для отопления городов, поселков, работы фабрик, заводов, обеспечения работы паровозов

ции СССР. Одним словом, эта лжетеория не только не “дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела” (Сталин), но, наоборот, тяжелыми гирями тянет назад в капиталистическое болото, ориентируя и массы лесных специалистов в направлении противодействия индустриализации страны, противодействия реконструкции лесного хозяйства».

В отношении стоимости леса советские экономисты пришли к выводу, как это видно из статьи Б. Калинина «Теоретические основы “лесной статики” и теории “оценки лесов”» [11], о том, «что лес, стоящий на корню, ни

© WWF России / Николай ДЕЛЬВИН

Отказ от цены леса на корню полностью ликвидировал экономику лесного хозяйства

в коем случае нельзя рассматривать как товар, так как он не обладает не только меновой стоимостью, но, до тех пор, пока не срублен, не имеет потребительной стоимости». Отказ от цены леса на корню полностью ликвидировал экономику лесного хозяйства, которая показывала, как, вложив деньги в лесное хозяйство, увеличить доход от участка леса.

Результатом «беспощадной борьбы с вредительскими теориями Орлова—Морозова» (см. одноименную статью В. Н. Векшегонова в газете «Лесная промышленность» от 9 мая 1932 года) были поставленные «с ног на голову» основные положения лесостроительства и лесоводства. Если раньше целью лесного хозяйства было увеличение доходности лесного участка за счет улучшения структуры лесного фонда и сортиментной структуры заготавливаемой древесины, то теперь целью хозяйствования становилась рубка наибольшего количества леса самыми дешевыми способами. При этом создавалась уверенность, что природа сама восстановит вырубленные леса при минимальном объеме лесохозяйственных работ. В

1926 году расходы бюджета на лесное хозяйство на 1 га в РСФСР составляли 5 коп.: 3 коп. шли на содержание лесничеств, 1 коп. — на содержание центрального и губернского аппарата и только 1 коп. непосредственно на проведение лесохозяйственных работ. Доход по РСФСР составлял 34 коп. на 1 га [12]. В 1927 году в Северо-Западной области, включавшей Ленинградскую, Новгородскую, северную часть Псковской области, запад Вологодской области, Карелию, посадили леса 1192 га, и на ближайшие годы намечалось утроение площадей. (Это на площади более 8,5 млн га при лесосеке около 80 тыс. га [1].) М. М. Орлов в своем статистическом обзоре «Леса СССР» [21] приводит объемы лесных культур на 1 октября 1927 года по Северо-Западной области, которые составляли всего 14304 га, в том числе культур последнего десятилетия 3512 га, т.е. в среднем в год создавалось 350 га лесных культур.

Критика лесостроительства привела к тому, что как научная дисциплина оно было исключено из программы лесных вузов. Лесостроительную инструкцию 1926 года, составленную под руководством М. М. Орлова, отменили как не соответствующую требованиям лесного хозяйства и лесной промышленности того периода. Вместо нее в начале 1930-х годов были разработаны и изданы «Временные правила для устройства, ревизии устройства и лесохозяйственной рекогносцировки общегосударственных лесов РСФСР и для составления плана их эксплуатации». Это был прямой отказ от принципа постоянства пользования, оборот рубки заменялся возрастом рубки, вводилась лесосека по спелости. В 1930-е годы лесостроительные работы по сути были подменены лесоэкономическими обследованиями, лесоинвентаризациями. В качестве форм организации лесного хозяйства появились планы лесоэксплуатации. Профессор А. Ф. Тюрин отмечал, что период «с 1930 по 1935 гг. был периодом крайнего упадка лесостроительства, признаваемого в это время, по недоразумению, ненужным» [43].

Рубки без правил, в громадных объемах проводившиеся в самых населенных районах России, привели к явному нарушению экологической обстановки. Профессор М. Е. Ткаченко в работе «Задачи лесного хозяйства и “День леса”» [42] писал: «История нашей страны не знает примеров более сильных размеров рубок, чем которые имеют место в настоящее время». Массовые перерубы лесосек «наблюдаются... на Украине, в Белоруссии, в центре европейской части Союза... грозят уже подрывом всего народного хозяйства. В Рязанском округе есть лесничества, где в 4 года вырублены 56 годичных лесосек». Эти рубки значительно ухудшили экологическую обстановку в наиболее обжитых районах Союза. М. Е. Ткаченко отмечал, что «на глазах происходит рост оврагов», «нужны экстренные меры к облесению вырубленных 110 тыс. га лесов в бассейне р. Москва, чтобы спасти столицу от повторных наводнений» [42].

Для улучшения экологической обстановки Совнарком СССР 31 июля 1931 года принял постановление, которым все лесные массивы СССР были разделены на зоны лесопромышленного и лесокультурного значения. Поскольку основным путем транспорта древесины в то время являлся сплав и очень большой объем рубок производился по берегам рек, это вызывало как уже отмеченное М. Е. Ткаченко значительное ухудшение их гидрологического режима, так и размыв берегов, появление мелей, что негативно сказывалось на водном транспорте. Поэтому в 1936 году была выделена водоохранная зона шириной 20 км вдоль рек Днепр, Десна,

Волга, Молога, Шексна, Ока, Москва, Клязьма, Кама, Белая, Вятка, Унжа, Ветлуга. А это потребовало разработки полноценных проектов ведения лесного хозяйства. Начался период возрождения лесоустройства, связанный с деятельностью образованного при СНК СССР Главного управления лесоохраны и лесонасаждений (Гослесоохрана). Сотрудники управления разработали «Инструкцию для полевых лесоустроительных работ на 1938 г.» и «Временные правила для составления планов лесного хозяйства по лесоустроительным планам 1937–1938 гг.». В инструкции уточнялись цели ведения лесного хозяйства в водоохранной зоне, определялись хозяйственные мероприятия, которые следовало проводить для улучшения гидрологического режима рек. (Этот документ действовал вплоть до 1946 года, когда Главлесоохрана утвердила новый — «Инструкцию для устройства и ревизии устройства водоохранных лесов», подготовленный ВНИИЛМом под руководством профессора А. В. Тюрина [10].) Была поставлена задача увеличить объемы рубок ухода за лесом, наладить санитарную и противопожарную охрану лесов. В результате проведенных работ с 1937 по 1946 год удалось устроить 49,5 млн га лесов.

В 1939 году последовало утверждение «Правил рубки леса в эксплуатационной части водоохранной зоны и рубки перестойного леса в запретных полосах водоохранной зоны» [29], разработанных еще в мае 1937 года. Согласно этим правилам основным способом рубки леса являлись сплошнолесосечные рубки. Устанавливалась ширина лесосек: в сухих лишайниковых борах она составляла 50 м, в остальных условиях для хвойных 100 м, для мягколиственных — 250 м. Сроки примыкания определялись следующим образом: для сосны и ели — 3 года, для мягколиственных — ежегодно.

Так обстояло дело с лесами водоохранной зоны, остальные же по-прежнему безудержно эксплуатировались. Несколько стабилизировала положение принятая в 1940 году «Инструкция по подготовке и отводу лесосечного фонда в лесах Наркомзема СССР» [9]. Пункт 4 этого документа устанавливал: «Размещение мест рубок... должно проводиться в соответствии с утвержденным в техническом проекте планом рубок на принципах концентрированной рубки с тем, чтобы наиболее рационально использовать лесной фонд и иметь наименьшее протяжение эксплуатируемых за год путей».

Таким образом, разделение на зоны лесопромышленного и лесокультурного назначения и выделение водоохранной зоны значительно смягчили нажим лесопромышленников на леса наиболее обжитых районов СССР. Но не успели эти леса, предельно расстроенные сверхинтенсивными рубками, хоть сколько-нибудь оправиться и восстановить свои экологические функции, как грянула война, а с ней — новые чрезвычайные рубки. За 1941–1945 годы в РСФСР из водоохранных лесов было изъято в общей сложности 453 млн м³, в том числе в Московской области 26 млн м³ леса (древесины), или 37 расчетных лесосек [12].

Постановление СНК СССР от 23 апреля 1943 года «О порядке отвода лесосек в лесах Государственного лесного фонда СССР и лесосечном фонде на 1943 год» разделило леса страны на три группы по их народнохозяйственному значению. Леса I группы предназначались для выполнения средозащитных функций, их эксплуатации придавалось второстепенное значение. Ко II группе были отнесены леса малолесных и среднелесных районов страны (кроме лесов I группы), в которых велось интенсивное лесное хозяйство и, как правило, использовалась расчетная лесосека. К III группе относились все остальные леса, расположенные в многолесных районах страны, а их степень использования определялась потребностями народного хозяйства. Свидетельством начавшегося изменения подхода к использованию лесного фонда являются следующие цифры. По данным государственного учета лесного фонда на 1 января 1956 года [37], лесов I группы выделено 2,8 %, II — 7,7 % и III — 89,5 %. (В дальнейшем, по мере осознания средообразующей и защитной роли лесов, развития инфраструктуры территории, строительства новых городов, поселков, железных и шоссейных дорог, доля лесов I группы постепенно возрастала и составила 23 % по государственному учету лесов на 1 января 1998 года [16]. Это свидетельствовало о том, что правительство стало постепенно осознавать ценность средозащитной роли лесов и значение их экологических функций.) Однако в целом в 1943–1944 годах леса по-прежнему рассматривались как сырьевая база.

После войны предусматривалось увеличение объема лесозаготовок в бассейнах рек Северная Двина, Печора, Кама, Вятка, Унжа, так называемый перевод основных объемов заготавливаемой древесины на северо-восток европейской части России. Объем заготовок древесины быстро достиг и превысил довоенный уровень. В 1945 году было заготовлено 168,4 млн м³, в 1946 — 185,5, в 1947 — 201,9, в 1948 — 249,7 млн м³, что превышало довоенный уровень на 1,5 % [3]. Но в структуре заготавливаемой древесины произошли значительные перемены. До и во время войны основной ее объем занимали дрова. Доля деловой древесины, составлявшая в 1910–1930-х годах 45–48 % ,

© WWF России / Николай ДЕЛЬВИН

Возрождение лесоустройства в РСФСР началось с выделения водоохранных зон

во время войны снизилась до 37 % [40]. (Так, например, М. М. Орлов по состоянию на 1927 год [21] показывал долю деловой древесины в Беломорском районе 65 %, Балтийском — 40 %, с колебаниями от 55 % в Череповецком районе до 25 % в Лужском, и по Центральному району — 30 %, с колебаниями от 49 % в Курском районе до 15 % в Самарском). После войны заново отстраивались разрушенные деревни, поселки, города, восстанавливалось народное хозяйство. Для этого требовалось много деловой древесины. Ее доля в общем объеме заготавливаемого леса начала возрастать. (К 1950 году она достигла 62 %, а в 1960 — 71 %. Причем в 1950 году в структуре заготавливаемой древесины 33 % занимал пиловочный и шпальный край, 25 % — сортименты, используемые в круглом виде, и лишь 3 % — балансы, фанерный и спичечный кражи, в 1960 году эти показатели составляли соответственно 46, 20 и 5 % [40].)

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени основную часть пиловочника в нашей стране заготавливали из хвойных пород [19]. Однако наблюдается тенденция снижения процента дров для отопления, увеличения доли перерабатываемых сортиментов и повышенного спроса на высококачественное сырье. Объясняется это чисто экономическими условиями. В 1913 году хвойные пиломатериалы составляли в России 95 %, а в 1965 году — 85 %. По данным С. А. Рейнберга [34], в 1940–1950-е годы дрова были самым дорогим топливом. Если вычислить трудозатраты на заготовку и добычу разных видов топлива в переводе на единицу тепла, получаемого при его сжигании, то окажется, что нефть более выгодна, чем дрова, в 15 раз, каменный уголь — в 6 раз, торф — в 2 раза. (Конечно, все это с учетом цен того времени и без затрат на транспортировку, которые тогда также были минимальны.) Леспромхозам в 1950-е годы, кроме плана по валу — кубометрам заготовленной древесины, стали «спускать» план по выходу сортиментов, который плохо увязывался с товарной структурой расчетной лесосеки.

Снижение потребности в дровах и резкое повышение ценности хвойной деловой древесины ясно показало, что использование существующих методов заготовки (концентрированных рубок), приводящих к значительной

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

Вследствие неразумного лесопользования в эксплуатационных лесах происходила смена хвойных пород лиственными

замене хвойных пород лиственными, без компенсирующих мер чревато утратой лесами своих сырьевых функций. Поэтому после войны по мере восстановления народного хозяйства все больше внимания стало уделяться лесным культурам. В 1946 году в РСФСР было посеяно и посажено 63,7 тыс. га, в 1948 — 124,4, в 1950 — 232,7 тыс. га [12]. Первое время основные посадки лесных культур проводились в южных районах РСФСР (в соответствии с Планом преобразования природы.) После смерти И. В. Сталина значительная часть машинно-мелиоративных станций была расформирована, масштабы работ по созданию лесополос снизились, а вскоре «география» высадки лесных культур сместилась на север, к районам заготовок леса.

В 1950 году появились первые «Правила рубок главного пользования в лесах СССР» [30] (до этого времени для эксплуатационных лесов действовали инструкции по отводу лесосек). Они устанавливали ширину лесосек во II группе лесов для хвойных пород во 2 и 3 зонах — 100 м, а сроки примыкания в зависимости от породы и типа леса — от 3 до 5 лет. (Ширина лесосек могла быть увеличена при утверждении лесосырьевых баз.) Для лесов III группы, где проводились механизированные лесозаготовки, при вывозке по железной дороге допустимая ширина лесосек составляла 1 км, а при вывозке автотранспортом или тракторами — 500 м. Определялась длина лесосек — 2 км, а также сроки примыкания: для сосны — 3 года, для ели и мягколиственных пород — 2 года (включая год рубки). Эти правила не слишком ограничивали лесопромышленников.

Иначе обстояло дело с лесами I группы, которых в то время было немного. Согласно «Правилам лесовосстановительных рубок в лесах I группы, запретных и защитных полос вдоль рек, шоссейных и железных дорог», утвержденным 9 июня 1952 года [28], в лесах I группы устанавливались высокие возраста рубки: сосна — 161 год, сосна в лишайниковых, мшистых и сфагновых борах IV — V классов бонитета — 141 год, ель — 141 год, береза, липа — 81 год, осина, ольха — 61 год. Ширина лесосек по всем породам — 50 м. Сроки примыкания у сосны — 5 лет, у ели — 4 года, у мягколиственных — 3 года. Эти правила надежно защищали леса от истощительных рубок. Эксплуатационные леса продолжали истребляться, в них происходила смена пород как следствие неразумного лесопользования. Кроме того, в леспромхозах, где основным транспортом древесины был сплав леса, достаточно широко применялись не указанные в правилах условно-сплошные рубки. В хвойно-лиственных древостоях вырубалась хвойная часть и оставлялась на корню лиственная, поскольку она тонет при сплаве. Это также способствовало замене хвойных пород лиственными. Положение было столь серьезным, что для сохранения хвойных и твердолиственных пород в 1954 году была утверждена специальная «Инструкция о порядке разработки лесосек при комплексной механизации заготовок леса с учетом необходимости оставления подроста и молод-

няка как хвойных, так и твердолиственных пород» [8]. (В дальнейшем дело обстояло так. В 1959 году появляются технологии заготовки древесины с сохранением подроста. Резко возрастает объем лесных культур. В 1960–1970-е годы в Ленинградской и Псковской областях были такие планы по созданию лесных культур, что не хватало непокрытых лесом площадей для их размещения. За 1959–1965 годы посадили лес на площади 6472,6 тыс. га, на 45 % всех вырубленных площадей. Но и при этом за 1961–1966 годы площадь хвойных сократилась на 4,4 % [12]. Это происходило потому, что выполнялся план по созданию лесных культур, а не велось лесное хозяйство. Лесные культуры создавались в тех условиях, где хорошо шло естественное возобновление, — в сосновых борах, на песчаных почвах. Кроме того, не были согласованы объемы лесных культур и рубок ухода в молодняках. Последние относились к промежуточному пользованию, хотя в лесной зоне при осветлениях и прочистках нет ликвидной древесины. Осветления и прочистки проводились в недостаточном объеме и недостаточно интенсивно, что приводило к заглушению хвойных пород лиственными. Поэтому большие работы по созданию лесных культур не дали тех результатов, которых от них ожидали.)

В начале 1950-х годов был подготовлен и утвержден Министерством лесного хозяйства СССР важный документ — «Инструкция по устройству и обследованию лесов государственного значения Союза ССР». При ее составлении использовались материалы отраслевых научно-исследовательских институтов и вузов. Проект широко обсуждался учеными и работниками лесного хозяйства всех уровней. В пункте 10 значилось: «Лесоустройство в своих действиях исходит из задач наиболее рационального, с народнохозяйственной точки зрения, использования и расширенного воспроизводства древесных запасов и всей другой продукции лесного фонда устраиваемого объекта, наилучшей постановки охраны и защиты наличных насаждений, поднятия их качества и производительности, использования и усиления особых свойств этих насаждений и наиболее успешного решения общих задач советского лесного хозяйства» [10]. После появления этой инструкции вместо планов лесоэксплуатации стали разрабатываться проекты ведения лесного хозяйства.

Оценивая развитие лесного хозяйства в 1940–1950-е годы, нельзя не отметить определенный сдвиг в сторону лесовыращивания. Это проявилось в осознании необходимости создания лесных культур для предотвращения смены хвойных пород лиственными, появлении правил рубок леса для эксплуатационных лесов вместо инструкций по отводу лесосек, разработке лесоустроительных проектов вместо планов лесоэксплуатации, внимании к средозащитным свойствам лесов и разделении лесов на группы. Все эти изменения были обусловлены экономическими последствиями лесоэксплуатации (смена хвойных пород лиственными и снижение сырьевого потенциала лесов) и экологическим ущербом от в прямом смысле слова хищнического использования лесов наиболее обжитых районов.

Но, несмотря на эти вынужденные меры по защите леса, во властных структурах по-прежнему находились защитники потребительского отношения к лесным богатствам. Так, в 1953 году на одном из заседаний коллегии Минсельхоза СССР при рассмотрении вопросов лесного хозяйства министр И. А. Бенедиктов в пренебрежительном тоне сказал: «Лес рос и будет расти без лесоводов» [12]. Апофеозом такого подхода к использованию лесных ресурсов можно считать появившуюся в 1950-х годах теорию «кочующих» леспромхозов [17, 25]. Согласно этой теории леспромхоз «осваивает» новое место, вырубая за какой-то срок определенное количество леса, а затем, бросая построенные поселки и дороги, «уходит» на другое место, затем на следующее и возвращается на первоначальное, когда там вырастет и поспеет новый лес. Тот, кому довелось побывать в 1960–1970-е годы на территориях, бывших зоной действия леспромхозов, видел брошенные поселки, узкоколейки со снятыми рельсами, оставленные без надзора, дороги, практически пришедшие в негодность. Подавляющее большинство трудоспособного населения уходило из этой местности вслед за леспромхозом. Лесхозы, таким образом, практически лишались возможности вести хозяйство: у них не было ни людей, ни дорог. «Кочующие» леспромхозы — яркая иллюстрация «принципа собирательства» в отношении лесных ресурсов.

В официальных изданиях по истории лесного хозяйства уделяется много внимания изменениям, произошедшим в управлении отраслью, но практически не показано, как это сказывалось на правилах рубок и содержании инструкций по ведению лесного хозяйства. С этой точки зрения интересно сравнить правила рубки, утвержденные 12 ноября 1962 года, когда лесное хозяйство находилось в ведении Главного управления лесного хозяйства и охраны леса при Совете Министров РСФСР, и новые положения по проведению рубок главного пользования, утвержденные 21 мая 1965 года Государственным комитетом по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане СССР. Ниже, в

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

«Кочующие» леспромхозы — яркая иллюстрация «принципа собирательства» в отношении лесных ресурсов

таблицах 1 и 2, приводятся показатели сплошных рубок, которые по обоим этим правилам являлись основным видом рубок.

В 1962 году были утверждены новые правила рубок [31]. Укажем на их отличия от предыдущих правил (1950 г.): ширина лесосек в лесах III группы стала зависеть от породы, и для хвойных пород согласно правилам 1962 года она составила 500 м (ранее она была одинакова для всех пород — 1000 м); срок примыкания для ели увеличился на год, а для мягколиственных пород сократился; для лесов II группы не разрешалось увеличивать ширину лесосек при утверждении лесосырьевых баз, но в то же время была увеличена ширина лесосек по ели со 100 до 200 м; в лесах I группы ширина лесосек увеличилась с 50 м до 75 по сосне, 100 по ели и до 250 м по мягколиственным; снизился срок примыкания по сосне с 5 до 4 лет, по ели с 4 до 3 лет и по мягколиственным с 3 лет до 1 года.

Эти правила рубок вызвали возражения со стороны руководителей и специалистов лесной промышленности, которые добились принятия постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1963 года № 418 «О мерах по развитию лесозаготовительной промышленности в многолесных районах Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока». В соответствии с этим постановлением были подготовлены Основные положения по проведению рубок главного пользования в лесах СССР [23].

Отметим, что еще изменилось в правилах рубок. Режим рубок лесов II группы был значительно приближен к режиму рубок лесов III группы. Несколько иными стали показатели рубок для лесов I и III групп; но в наибольшей степени изменения касались лесов II группы, являвшихся сырьевыми базами леспромхозов: была увеличена ширина лесосек по сосне (со 100 до 250 м), по ели (с 200 до 250 м), по мягколиственным (с 250 до 500 м); снизился срок примыкания по хвойным (с 3–4 до 2 лет) и по мягколиственным (с 1 года до ежегодно); появился п. 15, разрешавший при вывозке по железным дорогам и автодорогам с твердым покрытием делать лесосеки в лесах II группы для всех пород, кроме кедра, шириной 500 м. Причем если правила 1962 года допускали региональные отличия, то в 1965 году опять вернулись к единым правилам для всего СССР.

В целом правила рубок 1962 и 1965 годов свидетельствуют о том, какой колоссальный нажим испытывали органы лесного хозяйства со стороны лесной промышленности. Даже имея относительную самостоятельность в решении вопросов управления отраслью, они не всегда могли отстоять лесохозяйственные приоритеты. Так, в Основных положениях по проведению рубок главного пользования в лесах СССР, утвержденных Государственным комитетом лесного хозяйства СМ СССР 24 декабря 1966 года [24], показатели сплошных рубок остались такими же, как и в 1965 году.

В 1964 году Государственный комитет по лесной, целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей промышленности и лесному хозяйству при Госплане СССР утверждает вторую всесоюзную Инструкцию по устройству

Таблица 1. Показатели сплошных рубок для 3 зоны лесов по Правилам рубок главного пользования в равнинных лесах европейской части РСФСР, утвержденным 12.11.1962

Породы	I группа лесов		II группа лесов			III группа лесов				
	Ширина лесосек, м	Срок примыкания, лет	Ширина лесосек, м		Срок примыкания, лет	Ширина лесосек, м		Площадь, га		Срок примыкания, лет
			в базах леспромхозов	в прочих		в базах леспромхозов	в прочих	в базах леспромхозов	в прочих	
С	75	4	100	100	4	500	200	50	20	3
Е	100	3	200	100	3	500	200	50	20	3
Мягколиственные	200	1	250	250	1	1000	500	100	50	Ежегодно

Таблица 2. Показатели сплошных рубок для 3 зоны лесов по Основным положениям по проведению рубок главного пользования в лесах СССР, утвержденным 21.05.1965

Породы	I группа лесов		II группа лесов				III группа лесов			
	Ширина, м	Срок примыкания, лет	В базах леспромхозов		В прочих		Ширина, м		Площадь, га, в базах леспромхозов	Срок примыкания, лет
			Ширина, м	Срок примыкания, лет	Ширина, м	Срок примыкания, лет	в базах леспромхозов	в прочих		
Хвойные	100	2–5	250	2	100	1–4	500	200–250	50	3
Мягколиственные	100–250	2–5	500	Ежегодно	250	1–4	1000	250–500	100	Ежегодно

государственного лесного фонда СССР. Она разрабатывалась исходя из принципов расширенного воспроизводства и дифференцированной организации лесного хозяйства по природным зонам, экономическим районам с учетом групп лесов и лесорастительных условий. Эта инструкция еще в большей степени, чем предыдущая, учитывала интересы лесной промышленности в вопросах оценки лесосырьевых ресурсов. Перед началом очередного тура лесоустройства органам лесного хозяйства предлагалось совместно с другими проектными организациями разрабатывать генсхемы комплексного развития лесного хозяйства и лесной промышленности областей, краев и республик. Вычисление расчетной лесосеки осуществлялось, как и раньше, на основе исчисления лесосек по состоянию, спелости, возрасту, приросту. Лесосеки по спелости и возрастным идеально подходят по расчету пользования для баз леспромхозов: если срок использования базы 20 лет — надо брать лесосеку по спелости, если 40 лет — первую возрастную лесосеку и т. д. Другими словами, опять торжествовал принцип собирательства: собрали то, что вырастила природа, и пошли дальше.

Хотя в §10 инструкции говорилось, что лесоустроительные проекты после их утверждения должны рассматриваться как обязательные задания, учитываемые при планировании, на практике это не выполнялось. Объемы хозяйственных мероприятий, назначенных лесоустройством в том или ином лесхозе, принимались во внимание при разрядке плана по управлению, но план далеко не всегда совпадал с объемами, определенными лесоустройством. Особенно это касалось величины лесопользования. В леспромхозах было 2 плана: общий объем по кубометрам и план по сортиментной структуре заготовок. Последний, как правило, не совпадал с сортиментной структурой эксплуатационного фонда, поэтому в первую очередь вырубалась его лучшая часть, что делало это несоответствие еще большим, тем более что основные районы лесозаготовок занимали относительно небольшую часть СССР. С 1946 по 1966 годы в европейской части страны и районах Урала с 22 % лесопокрытой площади и 18 % эксплуатационных запасов от всех лесов страны заготавливалось 70 % общего плана заготовки древесины [12]. Для выполнения сортиментного плана заготовки требовалось перерубать хвойные породы и недобирать лиственные, что и делалось. В 1968 году, например, в европейской части РСФСР и Урала переруб в хвойном хозяйстве по II группе лесов составил 8,5 млн м³, а в III группе лесов — 22 млн м³. В этом же году лесозаготовители оставили в лиственном хозяйстве 38 млн м³ недорубов [12].

Как ни пытались бороться с перерубами хвойных пород органы лесного хозяйства, лесопромышленники добивались у правительства разрешения на них. (Последний раз они получили у правительства разрешение на переруб хвойных пород в обход Госкомитета СССР по лесному хозяйству на 17,6 млн м³ в 1989 году [39].)

Лесосырьевые базы за крупными лесопромышленными предприятиями были закреплены еще в 1949 году. Со временем, учитывая еще и перерубы хвойных и первоочередную рубку лучших насаждений, возникла необходимость уточнить объем их лесосырьевых ресурсов. В результате проведенных ВО «Леспроект» в 1975–1979 годах работ на площади 250 млн га [10] выяснилось, что лесосырьевые ресурсы в европейской части России значительно истощены.

Перевод основных объемов заготовок в леса Сибири оказался невозможен, потому что пропускная способность Транссибирской магистрали просто не позволяла перевозить необходимое количество древесины в европейскую часть России, к ее основным потребителям. Поэтому вновь пришлось официально признать принцип постоянства пользования, свидетельство чему закон 1977 года об утверждении Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик и Лесной кодекс РСФСР 1978 года.

В 1978 году были введены «оптимальные» возраста рубок по районам для всей территории СССР. Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в историю вопроса. До этого возраст рубок был указан лишь в правилах 1952 года, и то только для лесов I группы. Поскольку до 1978 года установление возрастов рубок являлось прерогативой лесоустройства, они изменялись приказами тех ведомств, в подчинении которых находилось лесное хозяйство. Найти эти приказы или проекты ведения хозяйства, которые на них ссылались, сейчас очень сложно. На Северо-Западе, например, до 1952 года в лесах II и III группы возраст рубки сосняков и ельников устанавливался в VI классе возраста [38]. По Ленинградской области в 1957 году были утверждены МСХ СССР «оптимальные» возраста рубок для эксплуатационных лесов по сосне и ели крупнотоварным — 81 год, по сосне мелкотоварной — 81 год, лиственным высокотоварным — 51 год и лиственным низкотоварным — 41 год. Но эти возраста носили рекомендательный характер. В 1960–1970-е годы в области имелись лесхозы, где в эксплуатационных частях по высокобонитетным хвойным древостоям возраста рубки были как 81, так и 101 год. После утверждения «оптимальных» возрастов рубок 1978 года эти показатели во всех лесхозах стали в эксплуатационных лесах 81 год по сосне и ели высокобонитетным и 101 год по сосне низкобонитетной. Таким образом, за сто-

© WWF России / Сергей КИЩЕНКО

В результате проведенных ВО «Леспроект» в 1975–1979 годах работ выяснилось, что лесосырьевые ресурсы в европейской части России значительно истощены

Таблица 3. Показатели сплошных рубок для 3 зоны лесов по Правилам рубок в равнинных лесах европейской части РСФСР, утвержденным Государственным комитетом СССР по лесному хозяйству 6 марта 1979 года

Породы	I группа лесов				II группа лесов				III группа лесов			
	В базах леспромхозов		В прочих		В базах леспромхозов		В прочих		Ширина, м		Площадь, га, в базах леспромхозов	Срок примыкания, лет
	Ширина, м	Срок примыкания, лет	Ширина, м	Срок примыкания, лет	Ширина, м	Срок примыкания, лет	Ширина, м	Срок примыкания, лет	в базах леспромхозов	в прочих		
Хвойные	150	1–2	100	2–5	250	2	100	1–4	500	200–250	50	3
Мягколиственные	300	1–2	100–250	2–5	500	Ежегодно	250	1–3	1000	250–500	100	Ежегодно

летний период со времен А. Ф. Рудзкого и М. М. Орлова, использовавших 120-летний оборот рубки для хвойных древостоев [22, 36], до настоящего времени возраста рубок снизились по хвойным древостоям на 40 лет. Это, конечно, увеличило расчетную лесосеку, но ухудшило ее сортиментную структуру (соотношение пиловочника и балансов), снизило цену спелых хвойных древостоев.

В 1979 году были введены в действие очередные правила рубок, утвержденные Государственным комитетом по лесному хозяйству СССР [32]. Показатели сплошнолесосечных рубок по этим правилам приведены в таблице 3.

Согласно этим правилам в лесах II группы длина лесосек определялась размером квартала, но не должна была превышать 2 км. При вывозке древесины по автодорогам круглогодичного действия с твердым покрытием и железным дорогам ширина лесосек для всех пород устанавливалась до 500 м.

По сравнению с Основными положениями по проведению рубок главного пользования 1966 года впервые в I группе лесов в базах лесозаготовительных предприятий разрешалась большая ширина лесосек и меньший срок примыкания, чем у прочих лесозаготовителей. Кроме того, впервые правила рубок устанавливались не единые для всего СССР, а свои для различных регионов. Конечно, равнинные леса европейской части РСФСР, пусть и разделенные на 4 зоны, очень крупная территория, но это все-таки не весь СССР. Как видно из показателей рубок по этим правилам, несмотря на истощение эксплуатационного фонда, размеры лесосек в базах лесозаготовительных предприятий далеки от тех, которые могут обеспечить лесовосстановление вырубок хвойными породами.

В связи с истощением лесосырьевой базы предприятия ВО «Леспроект» вынуждены были заняться выявлением наличия лесосырьевых ресурсов, необходимых для продолжения лесопользования. В 1982–1983 годах при помощи космической фотосъемки были уточнены лесосырьевые ресурсы наиболее истощенных лесосырьевых баз 86 леспромхозов на площади 30,2 млн га [10].

В 1986 году Гослесхоз СССР утвердил первую часть Инструкции по проведению лесоустройства в едином государственном лесном фонде СССР. Изложенные в ней вопросы организации и задачи лесоустройства определялись, исходя из требований Основ лесного законодательства Союза ССР и союзных республик 1977 года. В 1989 году были утверждены дополнения и изменения к этой инструкции. Согласно этим документам все леса, в том числе и колхозные, должны были устраиваться по единой методике. Сотрудникам предприятий, которые этим занимались, предписывалось принимать участие в лесоустроительных работах, а в зоне интенсивного лесного хозяйства (в порядке подготовки к лесоустройству) проводить расчистку границ и квартальных просек, замену квартальных и указательных столбов. Ранее подобные работы выполнялись лесоустройством.

Вторая часть инструкции, регламентирующая камеральные работы, была утверждена только в 1990 году. Она разработана на основе положений Концепции развития лесного хозяйства СССР до 2005 года, утвержденной Госкомлесом 6 мая 1989 года. Основной задачей лесоустройства она определяла составление долгосрочных программ по рациональному использованию и воспроизводству лесных ресурсов на двух уровнях: на первом ими являлись основные положения организации и развития лесного хозяйства области, края, а на втором — проекты организации и ведения лесного хозяйства конкретного лесхоза на ревизионный период. Методы расчета размера главного и промежуточного пользования оставались прежними, хотя был принят за основу принцип постоянства пользования и предлагалась методика вариантного расчета размера пользования на основе динамики лесного фонда на длительный период [41]. (Правда, эта методика распространялась лишь на уровень области, групп лесхозов.)

Объемы лесозаготовок начали снижаться после 1988 года. За 1988–1990 годы они сократились на 24 %. Эта тенденция продолжалась и в последующие годы. Практически прекратилось обновление производства, оборудования, не вводились новые мощности. Снижение объемов вывозки древесины было обусловлено тем, что с 1972 года выбытие мощностей лесозаготовительных предприятий опережало их ввод. С 1991 года управление лесами страны, как и всем лесным комплексом, вступило в полосу наиболее радикальных преобразований.

Объемы лесозаготовок и производство основных видов лесопроductии в целом по России снизились в 2–3 раза по сравнению с дореформенным периодом [6].

Воспользовавшись тяжелым состоянием лесной промышленности, Государственный комитет СССР по лесу издал приказ (№ 110 от 13 сентября 1991 года) «Об уточнении основных положений по проведению рубок главного пользования и лесовосстановительных рубок в лесах СССР», которым ширина и площадь лесосек несколько приближалась к лесоводственным нормам. Согласно этому приказу при сплошных рубках в лесах I группы площадь лесосек устанавливалась для хвойных 5 — 10 га, мягколиственных — 15 га при ширине лесосек соответственно не более 100 и 150 м. В лесах II группы площадь лесосек определялась следующим образом: для хвойных — не более 15 га, мягколиственных — не более 20 га при ширине лесосек соответственно не более 150 и 200 м. В лесах III группы площадь лесосек всех насаждений не должна была превышать 50 га при ширине лесосек до 500 м. Кроме того, запрещалось разрешенное ранее увеличение ширины и площади лесосек в лесах закрепленных лесосырьевых баз.

6 марта 1993 года Верховный Совет Российской Федерации принял постановление «О порядке введения в действие Основ лесного законодательства Российской Федерации». В статье 8 Основ закреплялось отделение функций управления лесным фондом от заготовки древесины в порядке рубок главного пользования. Таким образом, предприятия лесного хозяйства освобождались от обязанности заготавливать древесину в промышленном масштабе, у лесхозов изымались цеха по ее переработке. Теперь основным способом зарабатывания собственных средств для них осталась заготовка древесины в порядке рубок промежуточного пользования. При недостатке бюджетного финансирования лесхозы стали активно проводить рубки ухода — проходные рубки и рубки обновления, обеспечивающие значительный выход деловой древесины. Если в 1975–1992 годах доля рубок ухода в общем объеме заготовленной древесины по стране составляла 7,5–8,5 %, то в 1994–1996 годах — 14,5–15,5 % [6]. Целью проведения рубок ухода стало не улучшение качества древостоев к возрасту главной рубки, а получение коммерческой выгоды на момент проведения рубок ухода. На практике это вело к ухудшению состояния древостоя на момент главной рубки.

Этим же документом в лесное законодательство вводился институт аренды участков лесного фонда. В соответствии со статьей 31 Основ арендные отношения должны были регулироваться положением об аренде участков лесного фонда. Предусматривалась также и возможность продажи древесины на корню на лесных торгах (ст. 28). Так де-факто было признано наличие стоимости древесины на корню, существование которой в 1930-е годы отрицалось. Однако ни права владельцев, ни их ответственность за состояние лесов и уровень ведения лесного хозяйства не определялись. Законодательно не было установлено и право владельцев лесного фонда на получение дохода.

1994 год ознаменовался введением Правил рубок главного пользования в равнинных лесах европейской части Российской Федерации, утвержденных 31 августа 1993 года Федеральной службой лесного хозяйства России [33]. Параметры основных организационно-технических элементов сплошных рубок, которые были установлены ими, приводятся в таблице 4. При сравнении параметров сплошных рубок, определенных приказом 1991 го-

© WWF России / Андрей РЫЖКОВ

В середине 1990-х годов целью проведения рубок ухода стало не улучшение качества древостоев к возрасту главной рубки, а получение коммерческой выгоды на момент проведения рубок ухода

Таблица 4. Параметры основных организационно-технических элементов сплошных рубок по Правилам рубок... 1994 года

Организационно-технические элементы рубок	I группа лесов	II группа лесов	III группа лесов
<i>Площадь лесосек по породам, не более, га:</i>			
хвойные	10	20	50
мягколиственные	15	25	50
<i>Ширина лесосек по породам, не более, м:</i>			
хвойные	100	200	500
мягколиственные	150	250	500
<i>Срок примыкания лесосек для рубок с последующим и предварительным возобновлением, по породам:</i>			
сосна	5/2	5/2	5/2
ель	4/3	4/3	4/3
мягколиственные	2/-	2/-	2/-

да и Правилами рубок 1994 года, видно, что параметры рубок в лесах I и III групп сохранились, а величина лесосек в лесах II группы увеличилась.

15 декабря 1994 года «Рослесхоз» утвердил очередную лесоустроительную инструкцию. Главной целью разработчиков было обеспечить высокую достоверность данных лесоустройства в пределах заданных нормативов точности определения качественных и количественных характеристик земель лесного фонда и лесных ресурсов как основы для расчета арендной платы за пользование лесным фондом, объективной кадастровой оценки лесов, организации рационального и неистощительного лесопользования.

По инструкции лесоустроительную информацию надлежало обязательно сохранять в записи на магнитных носителях с тем, чтобы создать автоматизированные банки данных с выделенными лесотаксационной и картографической базами. На основе таких баз данных предусматривалось проводить постоянное обновление данных по лесному фонду (а не периодическое, время от времени, как прежде). Однако добиться обеспечения высокой достоверности данных не удалось, так как общее неудовлетворительное состояние экономики, а также сокращение численности таксаторского состава реально снизили достоверность получаемой информации о лесном фонде.

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

Согласно Лесному кодексу Российской Федерации 1997 года воспроизводство лесов должно было финансироваться за счет бюджетов субъектов Российской Федерации

Основы лесного законодательства были разработаны еще до принятия Конституции Российской Федерации, что обусловило наличие в них ряда противоречий с Основным законом России. Поэтому 4 февраля 1997 года они были отменены с введением в действие Лесного кодекса Российской Федерации. Новый законодательный акт перераспределил полномочия между федеральной властью, субъектами Российской Федерации и муниципальными властями. Изменился порядок предоставления участков лесного фонда в аренду, которое теперь должно было происходить преимущественно через лесные конкурсы. Определялись условия финансирования лесного хозяйства и распределения платы за лесопользование между федеральным бюджетом и бюджетом субъектов Федерации. Было установлено, что воспроизводство лесов финансируется за счет бюджетов субъектов Российской Федерации. Минимальные ставки за заготовку древесины согласно Кодексу должно устанавливать правительство России, а конкретные их размеры — субъекты Российской Федерации. Установленные размеры платежей по остальным видам лесопользования объявлялось прерогативой субъектов Российской Федерации.

Однако прописанная в Кодексе система финансирования лесного хозяйства работала не полностью. Регионы выделяли из своего бюджета лишь около половины средств, требующихся на лесовосстановление [5]. Остальные средства лесхозы должны были добывать собственными силами, и делалось это за счет проведения рубок ухода, которые превратились в «рубки дохода». Вскоре последовало внесение изменений в Кодекс, и средства от проведения аукционов по продаже делянок стали перечисляться не лесхозу, а в бюджет. В результате лесхозы перестали устраивать аукционы.

И, наконец, следует сказать несколько слов еще об одном документе федерального уровня. Это опубликованные в 1998 году Критерии и индикаторы устойчивого управления лесами Российской Федерации. Пока это лишь декларация о намерениях. Реально они будут работать только при условии адаптации для регионального и локального уровней, когда станут частью соответствующих инструкций, правил, наставлений.

* * *

Давая оценку изменению взглядов на лес и лесное хозяйство, произошедшему в течение XX столетия, необходимо отметить следующее. В начале века основной целью ведения лесного хозяйства являлось получение дохода от лесов, достаточно интенсивное лесовыращивание при соблюдении постоянства лесопользования (получение постоянного дохода с лесных земель). Достигалось это проведением различного рода рубок, направленных на естественное возобновление лесов требуемыми породами, строительством дорог для вывозки леса, а в 1909–1916 годах также и значительным объемом лесосушения. (Конечно, речь в данном случае идет не обо всем лесном фонде, а о наиболее крупных лесных имениях, удельных и казенных лесах. На землях мелких лесовладельцев не велось никаких лесоустроительных работ, а крестьянские общинные леса в большинстве вообще представляли собой заросли, а не лес). Таким образом, улучшение лесного фонда осуществлялось за счет повышения доходности лесов.

После Октябрьской революции 1917 года первое время главной и едва ли не единственной целью лесного хозяйства была охрана лесов от самовольных порубок, оно занималось в основном отводом лесосек. В 1920–1930-е годы целью лесного комплекса в национализированных лесах стало получение максимального количества заготовленной древесины. При этом даже в самых населенных районах страны не соблюдались какие-либо лесо-

водственные правила. Лесохозяйственные работы проводились в таких мизерных объемах, что об их влиянии на состояние лесного фонда вообще говорить не приходится. В результате «борьбы на теоретическом фронте» и критики основных воззрений М. М. Орлова и Г. Ф. Морозова было отброшено все, что препятствовало увеличению добычи древесины: лесоводственные правила, принцип постоянства пользования. На смену оборотам рубок пришли их возраста. Лесоустройство на какой-то период было отменено, и вместо лесоустроительных проектов готовились планы эксплуатации. Утвердившееся во властных структурах положение, что лес на корню цены не имеет, разрушило экономику лесного хозяйства. Таким образом, вместо лесовыращивания стали заниматься «собираательством» древесины.

Но чрезмерные рубки в самых обжитых районах привели к очевидным для всех неблагоприятным экологическим последствиям. На глазах стали расти овраги, случались наводнения там, где их раньше не было. Из-за вырубки лесов по берегам рек они стали размываться, появились мели, кроме того, ухудшилась работа водного транспорта. Все это заставило сначала разделить леса на эксплуатационные и лесокультурные, а затем выделить вдоль основных рек водоохранные леса, в которых лесопользование было ограничено. Последнее потребовало возрождения лесоустройства, поскольку необходимо было разработать проекты ведения хозяйства в таких лесах, а не планы их эксплуатации. Так появилась инструкция по лесоустройству водоохраных лесов.

Не успели леса наиболее обжитых районов, истощенные чрезмерными рубками, оправиться от их последствий, как по ним прокатилась война, повлекшая новые чрезвычайные рубки. Еще во время войны леса были разделены на три группы по степени их эксплуатации.

В послевоенные годы структура потребления древесины значительно изменилась. Если до и во время войны деловая древесина занимала менее половины общего объема заготовленной, большая часть которой шла на дрова, то после войны ситуация в корне поменялась. Основной объем заготавливаемой древесины стал приходиться на деловую. Пришло ощущение того, что смена хвойных пород на лиственные в результате концентрированных рубок грозит потерей эксплуатационных функций лесов и необходимо принимать меры к сохранению и увеличению доли хвойных. Это нашло выражение в разработке правил рубок, лесоустроительной инструкции для всего лесного фонда, наставлений по сохранению подроста хвойных и твердолиственных пород. Развернулись значительные лесокультурные работы. Однако поскольку на первом месте было не собственно ведение лесного хозяйства, а выполнение плана по лесовосстановлению, то в результате количественные показатели достигались в ущерб качеству, т. е. улучшению лесного фонда. В первую очередь лесные культуры высаживались в местах с

хорошим естественным возобновлением хвойных (в борах, на песчаных почвах), а не там, где идет смена пород. Объемы рубок ухода в молодняках не согласовывались с объемами лесных культур и естественного возобновления. Они были недостаточными по объему и по интенсивности выборки, что привело, в конечном счете, к заглохению лесных культур лиственными породами. Таким образом, лесовосстановительные работы уменьшили площади перехода хвойных пород в лиственные, но из-за величины лесосек, далекой от лесоводственных требований, и вышеуказанных причин полностью смену хвойных лиственными не остановили. При осушении лесов во главе угла также стоял план, вернее перевыполнение его любой ценой. Поэтому около трети осушенных площадей пришлось на верховые болота, которые практически не реагируют на осушение. Виной всему являлось отсутствие четко обозначенных целей ведения лесного хозяйства. В дополнение к этому отметим, что и оценка деятельности лесхозов практически не связывалась с конечной целью выполнения лесохозяйственных мероприятий — она зависела от выполнения по объемным показателям плана лесохозяйственных работ.

С 1940-х годов началось выделение сырьевых баз для лесозаготовительных предприятий. После войны основные работы по заготовке древесины переместились из наиболее обжитых районов на северо-восток европейской части России. Сроки использования сырьевой базы составляли несколько десятков лет (40–60). По истечении этого времени она должна была перемещаться на другое место. Между тем появился сортиментный план заготовки, который, как правило, не совпадал с сортиментной структурой эксплуатационного запаса базы. Выполнить этот план без переруба хвойных и недоиспользования лиственных было невозможно, что и происходило на практике. Это вызывало досрочное истощение ресурсов базы. Попытка перевести лесосырьевые базы в многолесные районы Сибири не увенчалась успехом. Одна транссибирская магистраль просто не могла перевезти столько леса, сколько требовалось потребителям лесной продукции европейской части России. Поэтому опять пришлось признать отмененный в начале 1930-х годов принцип постоянства пользования, но уже в условиях истощенных лесосырьевых баз.

© WWF России / Николай ДЕЛЬВИН

Около трети осушенных площадей пришлось на верховые болота, которые практически не реагируют на осушение

После реформ 1990-х годов предприятия лесной промышленности перешли в частный сектор экономики. Они берут лесной фонд в аренду (как краткосрочную, так и долгосрочную, до 49 лет.) Стали проводиться аукционы по продаже с торгов лесосек, опять «появилась» цена на лес на корню. Иными словами, возникли условия для появления экономики лесного хозяйства.

Однако если оценивать современное состояние лесного хозяйства и лесного комплекса в целом, то приходится признать, что по-прежнему торжествует позиция «собираательства» того, что дает природа, а не позиция интенсивного лесоводства, лесовыращивания. Точка зрения, что лес может расти и без лесоводов, господствует во властных структурах. Так, А. С. Беляков, член Государственной Думы, бывший председатель Комитета Государственной Думы по природным ресурсам и природопользованию в своих интервью говорит, что лес — это возобновляемый ресурс, и если его вырубить, через 100 лет будет новый. Известны высказывания достаточно высокопоставленных людей, что лесная охрана не нужна, лес могут охранять и казаки. Другими словами, что лес растет сам, а задача лесной охраны не лесовыращивание, а охрана леса. Эта точка зрения достаточно сильна в России. Объясняется такое положение тем, что в нашей стране вплоть до начала XX века существовало подсечное (переложное, лядинное) земледелие [35]. Те, кто им занимался, отлично знали, что после периода сельхозпользования на этих землях лес вырастал сам собой. Иное дело в Западной Европе. Там, чтобы лес вырос, люди прикладывали и прикладывают немало усилий. В Скандинавии, например, много мелких собственников леса, которые сами ведут лесное хозяйство, и доходы от него занимают в их бюджете весьма заметное место. Они изучают особенности роста и развития леса. В России же лесовыращиванием занимаются лишь немногие, причем практически только лесоводы-профессионалы, а большинство населения о законах роста и развития леса имеет весьма смутное представление. Далека от истины и достаточно распространенная в органах власти точка зрения, что вторичные лиственные породы, занимающие вырубки, через 100 лет в результате естественных процессов сменяются на хвойные. А в результате сейчас, когда идет речь об отделении функций контроля от хозяйственной деятельности, под последней подразумевается лишь проведение отдельных лесохозяйственных мероприятий. При этом остаются без внимания вопросы, кто будет отвечать за улучшение показателей лесного фонда, кому следует поручить координацию лесохозяйственных мероприятий, создание системы ведения лесного хозяйства, учитывающей различные лесорастительные условия.

Приходится признать, что сейчас в России не существует экономики лесного хозяйства. Приведем в пример ту же Скандинавию, где для каждой группы лесорастительных условий просчитана цепочка лесохозяйственных мероприятий от лесовозобновления до рубки леса с тем, чтобы получить наибольший экономический эффект, в то время как в России планируются лишь отдельные виды лесохозяйственных мероприятий, а их стоимость и стоимостной эффект от их проведения никак не обсчитываются. Современные проекты ведения российского лесного хозяйства далеки от бизнес-планов, что не способствует инвестициям в него. Экономическое обоснование лесохозяйственной деятельности пока существует только в пилотных проектах. Главное условие перехода от «собираательства» к лесовыращиванию — заинтересованность лесохозяйственного предприятия в экономическом эффекте от своей деятельности. А это возможно в том случае, когда оно само продает спелый лес на корню, платит положенные налоги и распоряжается остальными средствами. Если же все деньги, полученные от продажи спелого леса, идут в бюджет, а затем из бюджета выделяется определенная сумма на хозяйственную деятельность вне зависимости от того, как работает это лесохозяйственное предприятие, последнее никак не заинтересовано в интенсивном ведении лесного хозяйства, лесовыращивании.

© WWF России / Николай ДЕПЬВИН

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

Земельная рента, в отличие от «лесной», позволяет учитывать стоимость интенсивного лесовыращивания в разных лесорастительных условиях

Стоимость отпускаемого леса в настоящее время (и как планируется делать в обозримом будущем) определяется на основе «лесной ренты», показателями которой являются породный состав, распределение по крупности отпускаемой древесины. Однако такой принцип установления цены на отпускаемую древесину можно считать рентой (т. е. изъятием тех доходов, которыми обеспечивает нас природа) только при пионерном освоении лесных массивов, так как перечисленные показатели определяются природными условиями. Но при ведении интенсивного лесного хозяйства показатели ренты в значительной степени зависят от уровня хозяйственной деятельности. Например, при образовании Сиверского опытного лесхоза в 1927 году доля хвойных в нем составляла 70 %. В результате военных действий и рубок военного времени она сократилась до 57 % в 1950 году. При интенсивном ведении лесного хозяйства к 1980 году ее удалось поднять до 76 %. При этом в России средний выход пиловочника составляет 20–25 %. (В Скандинавии за счет интенсивных рубок ухода при тех же возрастах рубок, что и на Северо-Западе России, он под-

нят до 60–65 %.) Таким образом, использование принципа «лесной ренты» для определения цены на отпускаемую древесину препятствует ведению интенсивного лесного хозяйства, лесовыращиванию. Зачем арендатору, взявшему на длительный срок в аренду участок лесного фонда, вкладывать деньги в улучшение его состояния, обеспечивать выход наиболее ценных сортиментов, если в первую очередь он получит рост рентных платежей, что значительно увеличит срок окупаемости вложенных в лесное хозяйство денег, если не сделает это вложение невыгодным. Принцип «лесной ренты» — это принцип «собираательства». Конечно, интенсивное лесное хозяйство не исключает ренты, но это должна быть земельная рента. Если на арендованном участке песчаные почвы и преобладают сосновые боры, это означает, что затраты арендатора на лесовосстановление, дорожное обустройство лесного массива будут не столь значительными, зато увеличится риск пожарной опасности, появления энтомофитовредителей. На суглинистых почвах, хотя и несколько выше производительность насаждений, преобладают елово-лиственные древостои, велика вероятность смены пород, требуются значительно большие затраты на лесовосстановление, в том числе на проведение рубок ухода в молодняках, а также на дорожное обустройство территории. Для того чтобы определить стоимость интенсивного лесовыращивания в разных лесорастительных условиях, нужна экономика лесного хозяйства, лесовыращивания, которой сейчас в России нет.

Мало принять принцип постоянства пользования, как это заявлено в последней лесоустроительной инструкции, нужно разработать методику расчета размера постоянного пользования лесом. Эта методика, зависящая от динамики лесного фонда, используется пока в пилотных размерах. По современным правилам рубок размеры лесосек, отвечающие требованиям лесовыращивания, имеются только в лесах I группы. Во II и III группах лесов в угоду лесозаготовителям они увеличены сверх лесоводственных требований и отвечают принципу «собираательства», а не лесовыращивания.

Конечно, есть значительные сдвиги по сравнению с 1930-ми годами. Леса разделены на группы. Объем работ по лесовосстановлению после снижения объемов заготовки леса превышает площади сплошных рубок [5]. Но все это только отдельные мероприятия, проводимые для выполнения плана, не увязанные друг с другом. Так, рассматривая современное состояние лесовыращивания Д. М. Гиряев [5] говорит только об объемах лесных культур и содействии естественному возобновлению, не упоминая рубки ухода в молодняках, без которых лесовосстановительные мероприятия не дадут конечного эффекта. Таким образом, невзирая на то, что признан принцип постоянства лесопользования, устанавливается цена на лес на корню, вся государственная лесная политика исходит из принципа «собираательства», а не лесовыращивания. К дальнейшим шагам в сторону лесовыращивания должны подтолкнуть экономические причины. Каково же истинное положение дел?

Основные объемы леса, как и прежде, заготавливаются в европейско-уральской части России, там, где сосредоточены главные потребители древесины. По всей вероятности, в будущем мало что изменится, хотя лесной фонд в этом регионе истощен более чем где бы то ни было на территории нашей страны. В центре России следствием масштабных рубок 1920–1930-х годов стало то, что большие площади заняты осинниками, которые сейчас являются перестойными, гнилыми и практически не используются лесной промышленностью. Появились значительные запасы спелых древостоев, недоступных для эксплуатации по экономическим причинам. Для работы ЦБК, сырьевые базы которых истощены, сейчас пытаются организовать целевые хозяйственные секции по ускоренному выращиванию насаждений для получения целевых сортиментов [45]. По сути дела, это

попытка объявить в базах ЦБК целью ведения хозяйства выращивание не пиловочника, а балансов и снизить оборот рубки. Будет ли такое хозяйство экономически приемлемым, покажет ближайшее будущее. На Северо-Западе доля хвойных пород в расчетной лесосеке значительно ниже, чем в лесном фонде, для которого эта лесосека определена. Недостаток экономически доступного леса, особенно его самой ценной части — хвойного пиловочника, на фоне значительного фактического недоиспользования расчетной лесосеки может стать фактором, способствующим развитию лесного комплекса по пути интенсивного лесного хозяйства, т. е. лесовыращивания.

Иное положение дел у арендаторов. Уже имеются регионы, где лесной фонд почти полностью поделен между ними. Наиболее крупные лесозаготовительные компании и арендаторы вложили значительные средства в оборудование, в перевозку древесины (автопарк лесовозов, мастерские по их ремонту, оборудование по перегрузке леса на железнодорожный транспорт и т. д.). Все это подталкивает компании к долгосрочному экономически выгодному лесному бизнесу. Часть этих компаний уже сейчас готова взять на себя расходы по ведению лесного хозяйства для гарантированного обеспечения себя ресурсами в будущем, заказывать хорошие, экономически обоснованные проекты ведения лесного хозяйства и лесоэксплуатации. Перехода от собираательства лесных ресурсов к интенсивному лесному хозяйству, лесовыращиванию в первую очередь можно ожидать от достаточно крупных лесозаготовительных компаний на арендуемых ими территориях лесного фонда.

© WWF России

В центре России большие площади заняты осинниками, которые являются перестойными и практически не используются лесной промышленностью

1. Бобров Р. В. Дом у Золотого пруда. СПб., 2001.
2. Бобров Р. В. Лесоводы-ученые. М., 1998.
3. Бобров Р. В., Книзе А. А. Леса над Оредежем. СПб., 2003.
4. Генверт В. П. Что нам дают леса. М., 1926.
5. Гиряев М. Д. Состояние и проблемы лесовосстановления в Российской Федерации // Лесохозяйственная информация. 2003. №3.
6. Двухсотлетие учреждения Лесного департамента. 1798–1998. М., 1998. Т. 2 (1898–1998).
7. Инструкция для отпуска леса из общегосударственных лесов РСФСР. М., 1926.
8. Инструкция о порядке разработки лесосек при комплексной механизации заготовок леса с учетом необходимости оставления подроста и молодняка как хвойных, так и твердолиственных пород. М., 1954.
9. Инструкция по подготовке к отводу лесосечного фонда в лесах Наркомзема СССР. М., 1940.
10. История лесоустройства российского / Сост. Н.Н. Гусев. М., 1998.
11. Калинин Б. Теоретические основы «лесной статистики» и теории «оценки леса» // Известия Лесотехнической академии. 1932. № 2(40).
12. Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М., 1992.
13. Креслин Э. Против реакционной теории лесоустройства проф. М. М. Орлова // Известия Лесотехнической академии. 1932. № 2 (40).
14. Лесная революция // Леса Республики. 1918. №16.
15. Лесной кодекс РСФСР с изменениями на 15 февраля 1927 г. М., 1927.
16. Лесной фонд России (по данным государственного учета лесного фонда по состоянию на 01.01.1998): Справочник. М., 1999.
17. Лобовиков Т. С. Нужны ли постоянно действующие леспромхозы в многолесных районах? // Лесная промышленность. 1959. № 11.
18. Лютовский Н. Основные моменты развития лесного права РСФСР в 1924 г. // Лесовод. 1925. №1.
19. Моисеев Н. А. Основные тенденции использования и воспроизводства лесных ресурсов в зарубежных странах. М., 1971.
20. Орлов М. М. Об основах русского государственного лесного хозяйства. Пг., 1918.
21. Орлов М. М. Леса СССР: Статистический обзор. М.; Л., 1931.
22. Орлов М. М. Лесоустройство. М., 1971. №1.
23. Основные положения по проведению рубок главного пользования в лесах СССР. М., 1965.
24. Основные положения по проведению рубок главного пользования в лесах СССР. М., 1967.
25. Островский П. Использовать категорию себестоимости в лесном хозяйстве // Лесное хозяйство. 1953. № 7.
26. Пасынков Е., Прохорчук И. Буржуазные и оппортунистические теории планирования лесного хозяйства // Известия Лесотехнической академии. 1932. №2 (40).
27. Постановление экономического совещания РСФСР от 7 января 1926 г. // Лесовод. 1926. № 3.
28. Правила лесовосстановительных рубок в лесах I группы, запретных и защитных полос вдоль рек, шоссе-сейных и железных дорог. М., 1952.
29. Правила рубки леса в эксплуатационной части водоохранной зоны и рубки перестойного леса в запретных полосах водоохранной зоны. М., 1939.
30. Правила рубок главного пользования в лесах СССР. М., 1950.
31. Правила рубок главного пользования в равнинных лесах европейской части РСФСР. М., 1963.
32. Правила рубок главного пользования и лесовосстановительных рубок в равнинных лесах европейской части РСФСР. М., 1980.
33. Правила рубок главного пользования в равнинных лесах европейской части Российской Федерации. М., 1994.
34. Рейнберг С. А. Вопросы экономики древесины. М., 1956.
35. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Ред. В. П. Семенов. СПб., 1900. Т. 3.
36. Рудзкий А. Ф. План хозяйства на леса имения «Дружносельское» светлейшего князя Ф. Л. Витгенштейна. СПб., 1896.
37. Справочник по учету лесного фонда СССР (на 1 января 1956.). М., 1957.
38. Столяров Д. П., Мошкалев А. Г. Задачи лесоустройства по улучшению использования и воспроизводства лесосырьевых ресурсов Северо-Запада РСФСР. Лесоустройство, таксация и аэрометоды // Сб. науч. тр. ЛенНИИЛХ. Л., 1965.
39. Столяров Д. П., Шутов И. В. «Наука» на службе временщиков // Тр. СПбНИИЛХ. СПб., 2000. Вып 6 (10).
40. Таксация товарной структуры древостоев / А. Г. Мошкалев, А. А. Книзе, Н. И. Ксенофонтов, Н. С. Уланов. М., 1982.
41. Технический проект на функцию «Перспективное планирование и прогноз динамики лесного фонда» подсистемы ОАСУ-лесхоз «Управление лесными ресурсами». Северо-Западное лесостроительное предприятие, 1980.
42. Ткаченко М. Е. Задачи лесного хозяйства и «День леса» в 1930 г. // Лесной специалист. 1930. № 7, 8.
43. Тюрин А. В. Возникновение и развитие основных понятий и приемов в отечественном лесоустройстве. М., 1965.
44. Фаас В. В. Леса Северного района и их эксплуатация // Тр. Северной научно-промышленной экспедиции. М., 1922. Вып. 15.
45. Чуенков В. С. Лесопользование в России // Лесохозяйственная информация. 2003. № 3.
46. Шутов И. В. В плену административного романтизма // Лесное хозяйство. 1994. №4.
47. Шутов И. В. История свидетельствует и предупреждает // Лесное хозяйство. 1991. № 10.